

ВРЕМЯ ПОЭТА

1896—1978... Жизнь, которую прожил Павел Антокольский, не укладывается даже во всеобъемлющее слово «эпоха». Рушились и возникали миры, менялся облик страны и облик планеты, иною мерою ценились жизнь, искусство, поэзия, устанавливалась новая связь времен. Эпохи перекликались или вступали в непримиримую вражду. Павел Антокольский был художником, воображение которого растревожено, увлечено, взвинчено масштабами событий и накалом чувств, бушующих вокруг. Все кипело и в самом поэте. Таким — кипящим — был он в своих ранних стихах, таким знали его все мы и в самое последнее время. И кто знал его лично, и кто видел его — совсем еще недавно — по телевидению, понимали, что к этому человеку «с возрастом» не только не могут прийти покой, солидность и уравновешенность, но, наоборот, чем больше он живет, тем больше впечатлений берedit его душу, тем острее чувствует он революционное движение времени. По темпераменту Антокольский был моложе самых молодых, но и по свежести мысли — тоже.

Его поэзия была ярко театральной, полной сценических эффектов, но в этом искусстве не было никакой искусственности: Антокольский выражал себя правдиво и страстно, он в самом деле был человеком театра — ученик Вахтангова, участник работы над многими спектаклями, а в 30-е годы еще и режиссер подшефного вахтанговцам Четвертого колхозно-совхозного театра, организованного из театральной молодежи на строительстве Горьковского автозавода: пафос предвоенных пятилеток увлекал его не меньше, чем пафос вечных образов мировой истории и литературы.

Я видел всю страну — Баку,
Ростов, моря,
Нефть, трактора, туман и соль
полей озимых.
Век надо мной вставал, веселостью
даря.
И тысячью очей своих неотразимых.

Война отняла у Павла Антокольского самое дорогое — жизнь единственного сына, но горечь этой утраты переплавилась в сердце поэта и воплотилась в замечательной поэме «Сын», ставшей памятником тысячам сыновей народа, отдавших жизнь за Родину. Тогда-то все окончательно поняли, что романтическая приподнятость стиля и образов Антокольского есть выражение его лиризма, глубоких ду-

шевных переживаний. Со времени поэмы «Сын», удостоенной Государственной премии СССР, Павел Григорьевич Антокольский утвердился в нашей литературе как один из ее крупнейших мастеров, и недаром столько молодых поэтов считали для себя величайшей удачей общение с ним — не обязательно в форме ученичества. Школой и примером была сама личность старого поэта.

Миллионы друзей было у его яркой поэзии, множество друзей было у него самого, для нас же эта потеря особенно горька, потому что Павел Григорьевич был другом и постоянным автором «Недели». Он не только давал нам стихи; в свои восемьдесят лет он был по-юношески легок на подъем и писал по просьбе редакции и принципиальные статьи, и короткие заметки, а однажды взял на себя даже функцию репортера «Недели», с блеском и остроумием приняв «гостя тринадцатой страницы». За прохождением рукописи, корректурой, версткой он следил с волнением начинающего автора и требовательностью строгого профессионала, но каждый его звонок или приход в редакцию был ослепительным фейерверком таланта, жизненной энергии, неумемной творческой молодости.

«Время — главный мой соавтор, — писал он когда-то, — Время — главный мой герой». Поэт ушел от нас, но он живет и будет жить во Времени, он остается с нашей современностью и с нашим будущим.